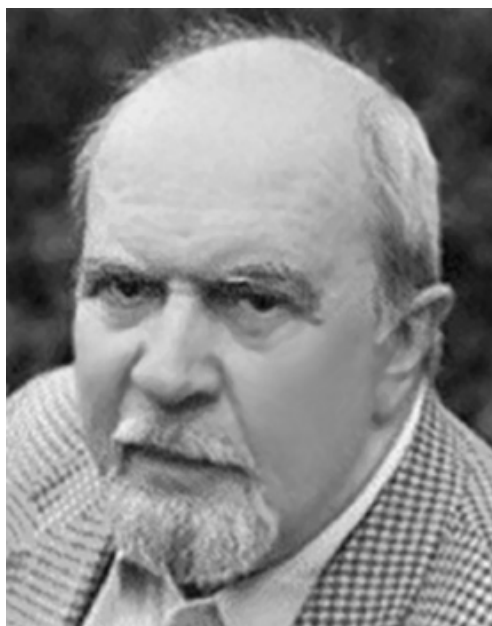

**ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН
ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ ВИНОГРАДОВ
(1939–2016)**

**CORRESPONDING MEMEBER OF THE RAS
VIKTOR ALEXEEVITCH VINOGRADOV
(1939–2016)**

В сентябре 2016 года не стало члена-корреспондента РАН, профессора, директора Института языкознания РАН в 2001–2012 гг. Виктора Алексеевича Виноградова. Он скончался на 78 году жизни, после тяжелой болезни.

Виктор Алексеевич был особенным человеком. Он был не просто хорошим и разносторонним специалистом, глубоко и тонко чувствовавшим проблемы языка (как теоретические, так и практические, особенно связанные с преподаванием) — он обладал удивительными человеческими качествами, которые всю жизнь привлекали к нему самых разных людей. Невероятно добрый, мягкий, деликатный, он всегда находился в поле всеобщей любви. Как ни напрягаю память, не могу вспомнить его врагов или недоброжелателей — кажется, таких никогда не было.

Жизненный путь его тоже был особым, не похожим на многих. Он родился в один из последних предвоенных годов в Барнауле, но школьные

и студенческие годы его прошли в Закарпатье — только в 1945 году присоединенном к Советскому Союзу, а до этого переходившем, после распада Австро-Венгрии, от Чехословакии к Венгрии и обратно. Можно думать, что весь облик этого необычного уголка тогдашней империи во многом повлиял на характер Виктора Алексеевича (с его стойким ощущением внутренней свободы и всегда мягким, но неизменно независимым поведением) — и даже на его будущий профессиональный выбор: он с детства рос в ситуации пёстрого и неконфликтного многоязычия (и не раз демонстрировал очень хорошее знание венгерского языка — стоит ли говорить, что в мире разнообразных славянских наречий он и вовсе ориентировался свободно).

Окончив Ужгородский университет, он в годы “оттепели” попадает в Москву, в аспирантуру Института языкознания РАН, с которым будет связана вся его последующая жизнь и где

руководителем его становится “сам” А.А. Реформатский. В выборе времени, места и персоны ему, конечно, необычайно повезло — хотя, как известно, в жизни всё происходит не вполне случайно. Советская лингвистика как раз в это время стала дышать немного свободней, ростки нового появлялись в столичных вузах и академических институтах в основном под флагом полузапретной, но притягательной “структурной лингвистики” — почти все эти сектора и кафедры не переживут 70-х годов, но тогда этого ещё не знали. Реформатский, стареющий, но в зените славы, в Институте языкознания сумел в 1958 г. организовать сектор “структурной и прикладной лингвистики”, в котором в 60-е годы будут работать И.А. Мельчук, Р.М. Фрумкина и многие другие. Именно в эту блестящую плеяду влился и юный выпускник Ужгородского университета. Выбор такого учителя оказался определяющим для его последующего становления: научное сотрудничество старшего и младшего лингвиста (между ними было 39 лет разницы) было плодотворным, а человеческие отношения — очень тёплыми. По воспоминаниям тех, кто хорошо знал Реформатского, В.А. Виноградов — “Витя” — был одним из его любимых учеников (и одним из последних: в 1971 г. в меняющихся обстоятельствах Реформатский будет вынужден оставить руководство сектором и выйти на пенсию; жить ему останется только 7 лет). Надо сказать, что и сам Виктор Алексеевич неизменно отзывался о Реформатском как об одном из самых важных людей в своей жизни и долгие годы трогательно (но и с неизменной стойкостью, когда того требовали обстоятельства) хранил его память: регулярно организовывал (сам или с другими учениками А.А.) яркие “реформатские чтения” в Институте языкознания, способствовал изданию в 1987 г. сборника избранных трудов Реформатского “Лингвистика и поэтика” (к которому написал и большую вступительную статью), был редактором нескольких последних изданий классического учебника Реформатского “Введение в языковедение”...

Неудивительно, что первые научные занятия В.А. Виноградова касались фонологии (это было от учителя и от эпохи), точнее — фонетической типологии (это уже скорее следование личным склонностям — и этот выбор тоже будет иметь важные последствия). Его кандидатская диссертация называлась “Сингармонизм и фонология слова” и была защищена в 1966 г. Это была очень талантливая работа, затрагивавшая самые актуальные проблемы лингвистики того времени и предлагавшая много интересных решений. Параллельно В.А. Виноградов много занимался в те

годы русской фонологией и вопросами преподавания русского языка — этой тематике он тоже будет верен до конца жизни.

Однако вскоре после защиты диссертации в научной и человеческой биографии В. А. Виноградова наступает достаточно неожиданный поворот, определивший, пожалуй, практически всю последующую траекторию его жизни. Он остается в Институте языкознания, но поступает работать в только что образованный сектор африканских языков по приглашению его основателя и первой заведующей, Натальи Вениаминовны Охотиной. Таким образом, на долгие годы он становится африканистом. И в этот раз выбор оказался чрезвычайно удачным и на самом деле весьма подходящим Виктору Алексеевичу по его внутренним склонностям и темпераменту. Учитывая то, что уже через несколько лет Реформатский оказался отстранен от руководства своим сектором (быстро превратившимся при новом начальстве в сектор прикладной лингвистики, без крамольной “структурной”), оставаться в этом новом подразделении молодому научному сотруднику было бы и неуютно, и в научном отношении не слишком комфортно. Совершенно иным было положение дел в тогдашнем секторе африканских языков — и по составу сотрудников (а в середине 60-х годов туда пришли А.Б. Долгопольский, И.Н. Топорова, А.Н. Журинский и целый ряд других ярких исследователей), и по особому внутреннему климату, там установившемуся. Сектор африканских языков с самого начала занимал в Институте языкознания особое положение — во-первых, благодаря “экзотической” и не вполне привычной тогда тематике (но зато казавшейся политически в высшей степени благонадежной и служившей до известной степени защитой), а во-вторых, благодаря замечательной личности его создателя и первого заведующего (место которой Виктор Алексеевич через много лет занял сам). Наталья Вениаминовна, среди ее многообразных достоинств, обладала одним, может быть, самым главным: она безошибочно разбиралась в людях, видя каждого буквально насквозь. Каким-то образом она с одинаковым успехом умела располагать к себе и артистическую богему обеих столиц (она сама была родом из Ленинграда), и высокое партийное начальство (при том, что сама оставалась беспартийной и практически никого из членов партии в секторе не было — вещь чрезвычайно редкая для гуманитарного академического института в те времена). Кадровый выбор Н.В. Охотиной всегда был безупречным, но В.А. Виноградов (тогда ещё в основном “Витенька”) стал настоящим украшением сектора, его

душой и всеобщим любимцем. Африканистикой он занялся всерьёз и с большим увлечением, причём выбрал для исследований одну из самых неизученных групп в Тропической Африке — языки бамилеке, распространенные в Камеруне и относимые обычно к так называемой бантоидной ветви. В сборниках 70–80-х годов немало его penetrating статей о разных аспектах фонетики и грамматики бамилеке — со временем, грамматическая проблематика (особенно типология многообразных грамматических категорий имени) стала в его исследованиях доминировать. В дальнейшем он занимался также языками сонгай и сусу (оба распространены в Западной Африке, но принадлежат к разным языковым семьям), увлеченно работая с носителями языков — большинство из них были в те годы аспирантами африканского сектора¹.

Таким образом, благодаря — в очередной раз — удачному стечению обстоятельств, период 70–80-х годов (в целом, как мы знаем, не самый лучший в истории отечественной лингвистики) оказался для В.А. Виноградова относительно спокойным и плодотворным: африканистика не только дала ему надежную защиту и прекрасных коллег, но и познакомила с удивительным набором самых разных языковых явлений.

Однако научная характеристика этого периода будет никоим образом не полна, если не указать два чрезвычайно важных проекта, в которых В.А. Виноградов был самым активным участником и одним из главных вдохновителей (хотя административно его роль не всегда была заметна, да и в силу личной скромности и особой щепетильности он никогда не любил быть на виду). Это два “энциклопедических” издания: многотомник “Языки мира” и “Лингвистический энциклопедический словарь”. Замысел обоих проектов принадлежал тогдашнему директору Института языкознания В.Н. Ярцевой, но именно участие В.А. Виноградова в наибольшей степени способствовало превращению этих изданий из скучноватого казенного памятника тогдашнему консервативному догматизму (каковым они, скорее всего, стали бы в обычных обстоятельствах, как многие другие солидные фолианты из той эпохи) — в живое и нестандартное произведение лингвистической мысли, до сих пор не утратившее своего значения.

Для “Языков мира” небольшой группой молодых сотрудников Института языкознания при бесспорном идейном лидерстве В.А. Виноградова

была разработана нестандартная общая схема описания, которая применяется, практически в неизменном виде, и до сих пор (в новейшую эпоху это издание было возрождено — и благодаря поистине героическим усилиям А.А. Кибрика продолжается и поныне).

“Лингвистический энциклопедический словарь” также стал весьма нестандартным изданием — авторов для большинства словарных статей выбирал Виктор Алексеевич (а ряд penetrating статей написал и сам: например, “Именные классы”, “Классификаторы”, “Род”, “Одушевленность”, “Таксономия”, “Число”, “Собирательность” и др.). Словарь был выдающимся для своего времени трудом (несмотря на неизбежную эклектичность и отдельные лакуны) и вполне заслуженно получил в 1995 г. Государственную премию Российской Федерации в области науки и техники (В.А. Виноградов с присущей ему скромностью этот факт упоминал редко, но иногда с юмором рассказывал, как ему по этому случаю пожимал руку сам тогдашний президент Б.Н. Ельцин — “видно было, что крепкий мужик”).

Впрочем, самым, может быть, значительным научным достижением В.А. Виноградова в те годы стало исследование, принадлежащее еще одной области, мало связанной с предыдущими, — это относительно скромных размеров книжечка, которая была написана им в соавторстве с двумя коллегами-африканистами (А.И. Коваль и В.Я. Порхомовским) и в первом издании (вышедшем в 1984 году) называвшаяся “Социолингвистическая типология: Западная Африка”². Это, на мой взгляд, совершенно удивительная книга — как своим новаторством, так и необычной для тех лет научной смелостью. Дело в том, что бурно развивавшаяся во всем мире социолингвистика в советское время привлекала повышенное внимание властей и, безусловно, находилась под более жестким идеологическим контролем, чем “обычная” теоретическая лингвистика (которой, впрочем, тоже доставалось немало). Внутри крайне идеологизированной советской социолингвистики пробиться росткам нового было особенно трудно (хотя некоторые интересные теоретики в этой области и пытались работать, но с очень большой оглядкой на господствовавшую идеологию). Тем удивительней было появление этой книги: она, с одной стороны, вырастала вроде бы на том же самом поле, но с другой стороны, была написана так, как будто никакой официальной идеологии

¹ Многие из статей этого времени вошли в его поздний сборник избранных работ “Исследования по грамматике африканских языков” (М., 2004).

² Впоследствии книга в несколько переработанном виде выходила ещё дважды, уже под более общим названием — “Социолингвистическая типология”.

вообще не существовало! В книге излагалась стройная, своеобразная и очень интересная концепция языковых ситуаций и “коммуникативных сред”, возникшая буквально из ниоткуда и утверждавшая себя с удивительной смелостью, независимостью и интеллектуальной свободой, в то же время никак специально эту смелость не подчёркивая. Конечно, книга — равноправный труд трех соавторов, но в самой этой позиции (я бы даже сказал — в интонации) так явственно угадывается именно характер Виктора Алексеевича — мягкий, изящно неброский, но в то же время абсолютно независимый и бесстрашно оригинальный. Конечно, отчасти появлению этой книги помогла, опять-таки, африканская специфика: писать про Западную Африку было можно с гораздо меньшей оглядкой на идеологическую цензуру — но ведь это была всего лишь возможность, которой надо было ещё суметь воспользоваться... Кажется, авторам удалось это в полной мере; я полагаю, что “Социолингвистическая типология” — одна из самых глубоких книг по лингвистике, написанных у нас в 80-е годы.

Если 70-е и 80-е годы были для Виктора Алексеевича временем собирания и плодотворного осмысления экзотического языкового материала (когда сам он по понятным причинам занимал достаточно скромное положение в официальной научной иерархии), то 90-е годы оказались для него, как и для многих российских гуманитариев, временем новых возможностей и быстро растущего признания (в том числе и международного). В.А. Виноградов становится за это десятилетие без преувеличения специалистом с мировым именем, известным далеко не только среди африканистов. Множатся и знаки признания его заслуг “у себя дома”: с 1988 года он становится заведующим сектором (впоследствии отделом) африканских языков Института языкознания, в 1993 году — защищает докторскую диссертацию “Категориальная типология и языковой тип” (обобщившую его наиболее интересные работы по грамматической типологии) и, наконец, в 2001 году становится директором Института языкознания (после смерти

предыдущего директора В.М. Солнцева). В то время должность директора была ещё по-настоящему выборной, претендентов на неё было несколько, а общая ситуация — достаточно сложной; кандидатура В.А. Виноградова была в полном смысле слова “народной” — его выдвинули сами сотрудники и с большим жаром отстаивали; при голосовании он получил убедительное большинство и в результате возглавил тот самый Институт, куда он когда-то пришел робким аспирантом...

В.А. Виноградов руководил Институтом языкознания 10 лет (до 2012 года, когда уже начали сказываться недомогания и возраст); на мой взгляд, он был одним из лучших директоров за всю историю Института. Он вкладывал в институт очень много, каждому стремился помочь и каждого поддержать; практически никогда не случалось, чтобы он кому-то отказал в просьбе (если только эта просьба не переходила уж всякие разумные границы). Конечно, ему было нелегко на этой должности, и его природная мягкость и благородство, не позволявшие говорить “нет” слишком открыто, думаю, причиняли ему немало моральных страданий — но Виктор Алексеевич и в этих ситуациях никогда и ни в чём не изменял себе. Как бы это ни было трудно, но внутренне он оставался абсолютно таким же, как и 20, и 40 лет назад: верный своим друзьям и идеалам своей молодости. В его кабинет каждый мог войти в любое время и рассчитывать на понимание, участие и помощь.

Многие запомнят этого немногословного человека (его нелюбовь к длинным речам была хорошо известна в его ближайшему кругу — как и способность одним метким замечанием подвести итог целого вечера или поставить точку в длинной дискуссии), высокого, с неизменной “чеховской” бородкой и внимательным, немного ироничным взглядом. Это был один из тех редких людей, рядом с которыми жизнь становится осмысленнее и лучше — мудрый, добрый и благородный.

Вечная ему память — и благодарность тех, кто имел счастье его знать.

*В.А. Плунгян,
академик РАН, заместитель директора
Института русского языка
имени В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2,
plungian@gmail.com*

*Дата поступления
материала в редакцию
1 ноября 2016 г.*

*Vladimir A. Plungyan,
Academician of the RAS, Vice Director
of the V.V. Vinogradov Russian Language
Institute of the RAS,
18-2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia,
plungian@gmail.com*

*Received by Editor
on November 1, 2016.*